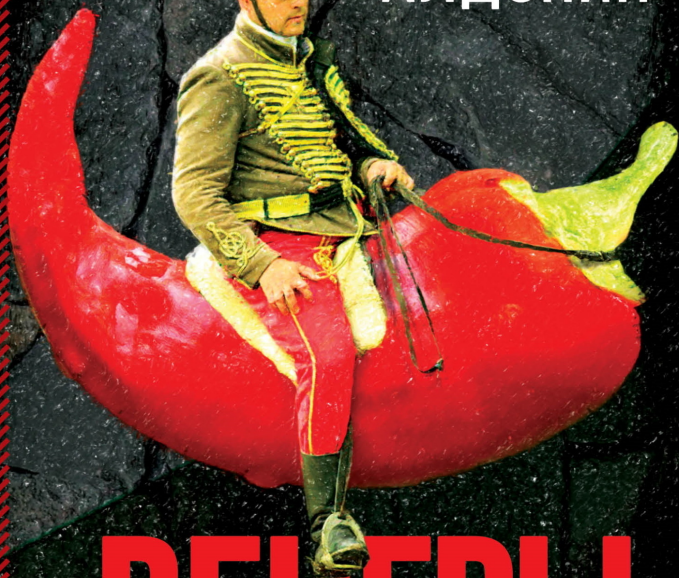

СЕРГЕЙ
АЛДОНИН

ВЕНГРЫ

с перцем

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ДРУЗЬЯМ И ПАРТНЕРАМ

Сергей Алдонин
Венгры с перцем.
Исторический путеводитель
по друзьям и партнерам
Серия «Весь мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70276864
Венгры с перцем. Исторический путеводитель по друзьям и
партнерам./ Алдонин Сергей: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00222-075-5

Аннотация

Страна мадьяр – Венгрия – неотделима от России. Прародина венгров находится в нашей стране. Быть может, поэтому исторические пути двух народов часто пересекались. Этому и посвящена книга, которую вы держите в руках. А еще – главным достопримечательностям этой страны, ее историческим вехам, ярчайшим людям. Вы узнаете все тайны Венгрии – как будто побываете в этой стране, в ее далеком прошлом и настоящем. Страна перца, отважных гусар и зажигательного чардаша всегда останется дружественной для России, несмотря ни на что.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Путешествие в прошлое и будущее	5
Откуда есть пошла...	9
Святой Стефан Венгерский и Ярослав Мудрый	16
Великие завоеватели	21
Общий враг	24
Как Батый в Венгрии погиб	36
Два памятника	40
Посольство Фёдора Курицына	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Алдонин Сергей
Венгры с перцем.
Исторический
путеводитель по
друзьям и партнерам**

Художник Е.В. Максименкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© ООО «Издательство Родина», 2023

Путешествие в прошлое и будущее

Эта книга про русских и венгров – собрание сюжетов, историй, коллизий. Здесь вы найдёте и точные исторические справки, и описания занимательных легенд, исторических анекдотов, к которым нужно относиться с долей (иногда – со львиной долей!) иронии. Главное – нас интересуют точки пересечения русских и венгров и в пространстве Истории, и в пространстве Культуры. На сумрачных и светлых исторических перекрёстках русские и венгры не раз бывали и союзниками, и противниками. Но войны и революции всегда заканчиваются примирением, и народам необходимо дружественное сотрудничество. Вдохновляющим примером для нас останутся судьбы наших выдающихся соотечественников. Многие связаны с Россией в судьбе великого Ференца Листа. А как был влюблён в Венгрию русский поэт Леонид Мартынов! Современниками и союзниками, да просто родственными душами были выдающиеся государственные деятели и воины – Пётр Великий и Ференц Ракоци. Не забудется крепкое боевое братство великих воинов России и Венгрии – Александра Суворова и Андрея Карачая. Но на страницах книги нам встретятся не только тени великих людей. Нас объединяют токайское вино и цыганский романс, автобусы и троллейбусы, гусарские мундиры и футбольная горячка...

Я впервые услышал о Венгрии, когда учился кататься на трёхколёсном велосипеде «Кроха» в московском парке Дружбы. Уютные песчаные дорожки пролегали вокруг загадочного памятника, напоминавшего мне сказочный замок из мультфильма. Взрослые рассказали, что это – памятник венгеро-советской дружбе, а Венгрия – гостеприимная страна, в которой бывали мои родители и дедушки, а ещё оттуда к нам приехали самые лучшие жёлтые автобусы. В длинных «Икарусах» я любил примоститься на поручне, в резиновой гармошке, соединявшей корпуса двойного автобуса. Почему-то там я представлял себя лётчиком. Ветер с водохранилища, тихий молодой парк, тяжёлый кургузый велосипед... Зимой мы со снежками штурмовали этот памятник как снежную крепость. Так венгерские мотивы вкрапливались в самую счастливую мелодию детства.

Московский памятник в парке Дружбы

Вообще-то из меня вышел скверный путешественник. Надеюсь, что хозяин я радушный, а вот турист никудышный, потому чаще всего в заморских странах кисну, скучаю, сплю на ходу. А вот в Венгрии побывал трижды и с первого взгляда полюбил эту страну. За ночную тишину Будапешта, когда громады нарядных домов не сдавливают реку. Это редкость для блестящих европейских столиц – но в Будапеште всегда видно небо, виден Дунай, и холмы не уничтожены суматошной архитектурой. Полюбил Балатон: на его берегах

дышится легко, как в парках московского Речного вокзала. Полюбил древние камни Эстергома и антикварно-прекрасный Веспрем. И Дунауйварош, овеянный благородными индустриальными мечтами XX века... Изучая наследие великого нашего полководца Александра Васильевича Суворова, я восхищался дружбой Суворова и Карачая, боевым братством русских и венгерских гусар – лихих вояк, для которых на поле брани не было невозможного. А дебреценские пряники, конечно, отличаются от тульских, но сходство и здесь поважнее различий.

В этой книге вы найдёте и совсем короткие «дней минувших анекдоты», и чуть более пространные рассказы о людях и событиях, накрепко связанных с историей России и Венгрии. Нить разговора не бывает прямой как натянутая струна – и далёкие отступления, косвенные свидетельства подчас важнее основной темы. Смешное граничит с трагическим, а почти научную лекцию перебивает байка. Пожалуй, интереснее всего – отступления, ассоциации. Словом, договорились: будем петлять вместе с мыслью, которая, как белка, юркает по древу истории.

Откуда есть пошла...

Тайны Югории

Происхождение каждого народа – загадочная материя. Историки, лингвисты за милую душу расскажут вам множество противоречивых версий и легенд. Но происхождение венгерского народа – загадочное среди загадочных. Версиям нет числа. И почти все версии происхождения мадьяр связаны с территорией России. Генеалогия венгерского народа многим не даёт покоя. В России в последние годы популярны сенсационные версии авторов, которые обращаются с мировой историей как повар с картошкой, жонглируя открытиями. Один из таких авторов утверждает, что гунны – средневековое название венгров, а китайские уйгуры – ещё один псевдоним этого народа. Другой поставщик исторических сенсаций заявляет, что вождь гуннов Аттила был россиянином. В доказательство он приводит слова Сигизмунда Герберштейна из «Записок о московитских делах»: «Положение области Югры явствует из вышесказанного. Русские называют ее народ югричами. Это та Югария, из которой вышли некогда венгры, заняли Паннонию и под предводительством Аттилы покорили многие области Европы. Москови-

ты очень гордятся именем Югариин, потому что их подданные некогда опустошили большую часть Европы».

Древние мадьяры

Барон Сигизмунд фон Герберштейн – ценный свидетель для следствия. Он дважды бывал в Московии – в 1517 году и в 1526 как посол Габсбургов, полпред венского двора. Уж он-то немало перевидал на своём веку и русских, и венгров. Только внимательный читатель записок Герберштейна должен продолжить цитату про Югарию:

«В первое мое посольство Георгий, по прозвищу Малый,

родом грек, во время переговоров, желая доказать право своего государя на великое княжество литовское, королевство польское и пр., говорил, что югары были подданными великого князя московского и сидели у Меотийских болот; что потом они заняли Паннонию на Дунае, от чего она и получила имя Гунгарии; что напоследок заняли они Моравию, названную так по реке, и Польшу, имя которой происходит от слова поле, что значит равнина; что, наконец, Буда названа ими по имени брата Аттилы.

Я желал только передать то, что слышал.

Говорят, что югары до сих пор употребляют один язык с венграми; правда ли это – не знаю.

Ибо, несмотря на мои старательные поиски, не нашлось ни одного человека из этой страны, с которым мог бы поговорить мой слуга, знающий по-венгерски».

И всё-таки на протяжении веков венгерские гости то и дело с удивлением обнаруживали знатоков мадьярского языка в разных уголках России...

От Великого Потопа

Вообще-то разговор о происхождении народов древние авторы всегда начинали от Великого Потопа. У сына Хама, внука Ноя – искусного охотника Нимрода – были сыновья-близнецы, Гунор и Магор. Однажды они увидели «прекрасную оленицу» и гнались за ней до самых берегов Азов-

ского моря, где след ее потерялся, а вместо оленицы братья нашли очаровательных девушек. Делать нечего, пришлось братьям стать прародителями двух народов – гуннов и мадьяр. По другой версии генеалогия мадьяр восходила к сыну Яфета Магогу – прародителю всех кочевых племён, осваивавших земли от Урала до Дуная.

Современная наука называет прародиной венгров юг Урала, запад Сибири. Ещё за тысячу лет до Рождества Христова, от кочевых угорских племён отделились ханты и манси, ушедшие на север, к берегам Оби. А протомадьяры продолжали кочевать на обширной территории между Уралом и Аралом – вместе со скифами и сарматами.

В XIII веке венгр, странствующий монах-доминиканец Юлиан, называл территорию современной Башкирии «Великой Венгрией», потому что нашёл здесь людей, язык которых (одно из мадьярских наречий) он понимал. Здесь они жили, кочевали, оседали, воевали с монголами. «Они – язычники, не имеют никакого понятия о Боге, но не почитают и идолов, и живут как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь», – писал Юлиан, великий путешественник, одержимый идеей найти прародину венгров.

Возможно, эти племена осели в окрестностях современной Уфы лет за 100 до Рождества Христова, кочуя вместе с иранскими племенами. Но, быть может, переселение произошло значительно позднее – в IV веке, в результате массо-

вой миграции народов, вызванной появлением гуннов. Или ещё позднее – в середине VI столетия, когда великую степь накрыла волна тюркских народов.

Грозный Аттила

Средневековые трубадуры называли Венгрию королевством гуннов. Считалось, что мадьяры были одним из племён, объединённых Атиллой для вторжения в Европу.

Гунны громко о себе заявили в IV веке, когда они покорили немало племён на Кавказе и на востоке Европы, устраивали дерзкие набеги на провинции Восточной Римской империи. Расцвет военного могущества гуннского союза племён пришёлся на годы правления великого завоевателя Атилы – 434–453.

Готский историк Иордан, оставивший словесный портрет Атилы, не мог скрыть почтения к этому полководцу: «Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения».

В современном мире Аттила – это не только грозное прозвание древнего завоевателя, но и весьма популярное в Венгрии мужское имя. И в российской прессе нет-нет, да и промелькнёт не слишком достоверное исторически, но лихое определение венгров – «потомки Атилы».

Арпад

Мадьяры воевали с хазарами, воевали с печенегами – с извечными противниками Руси. Воевали с болгарами, сражаясь за интересы Византии. Великим воином был Арпад, сын воеводы Альмоша. Воюя вдалеке от родных кочевий, мадьяры не смогли отразить наступление печенегов, и Арпад пошёл за благо переселиться на новую землю. А на Западе венгры уже заработали репутацию лихих сорвиголов, прирождённых конников, нестигаемых в бою. «Спаси нас, Боже, от венгерских стрел!», – так молились франки, поляки и германцы... Моравский князь Святоплук просил у Арпада помощи против франков и болгар. За военную поддержку Арпад потребовал у моравцев благодатную землю за Карпатами, в долине Дуная. Договор подтвердили символическим обменом. Арпад выслал Святоплуку белого осёдланного коня, а Святоплук Арпаду – пригоршню земли, пучок травы и кувшин с водой. Но, как и должно быть в эпосе, в свой черёд Святоплук попытался разорвать договор. Тогда Арпад взял обещанную землю мечом. Спасаясь от преследования, мо-

равский князь погиб в водах Дуная.

Автор эпоса, созданного около 1526 года – францисканский монах Деметер Чати. Его «Песнь о завоевании Паннонии» перевёл на русский язык поэт Леонид Володарский.

Тысячи мажьярских семей принялись осваиваться на новой земле, начали свой путь к оседлой жизни и свету христианства. Так мажьяры обрели родину.

Святой Стефан Венгерский и Ярослав Мудрый

Главный всенародный праздник в Венгрии – День Святого Иштвана, или Святого Стефана Венгерского, 20 августа. В этот день в сёлах плетут венки из спелых колосьев, выпекают первый хлеб нового урожая, который освящают в храмах. Эстергомский кардинал служит мессу в будапештском Кафедральном соборе (Базилике) Святого Стефана.

Стефан первым из правителей Венгрии был коронован. Эту дату запомнить легче лёгкого – 1000-й год. Но главное – Стефан крестил венгров. Король Стефан Святой и великий князь Киевский Ярослав Мудрый – сын Владимира Крестителя – были современниками и союзниками. Ярослав, продолжая подвиг отца, крестил верхнее Поволжье. Есть легенда: в деревне Медвежий Угол язычники устроили князю поединок с медведицей – тотемным животным тех мест. Ярослав секирой зарубил медведицу, крестил местных жителей и заложил там новый град – Ярославль. На гербе Ярославля и по сей день – медведица с секирой. Русский князь выдал дочь Анастасию за двоюродного племянника Стефана Святого, Андраша, который целых десять лет прожил в Киеве, а потом всё-таки стал королём Венгрии. Анастасию в венгерских хрониках называют «дочерью князя Руси». Есть мне-

ние, что Андраш и два его брата прибыли на Русь язычниками и Андраш принял Святое Крещение в киевском храме.

Святой Стефан Венгерский

В Праге, в соборе святого Вита хранится реликвия – меч короля Стефана. Этот меч был для святого короля символом богоданной власти, с ним он и короновался. На крестовине изображён дракон, которого должен уничтожить каждый уважающий себя герой. Такой же, как русский князь Ярослав, одолевший медведицу.

И в России, и в Венгрии национальная общность возникла на основе союза племён, среди которых были и оседлые, и кочевые. Нашим далёким предкам – воинам, святым отцам, земледельцам – удалось создать пространство, в котором мирно уживались разные культуры, рождая общий сплав. Так было с древних времён.

В «Поучениях» Святой Стефан наставляет своего сына герцога Имре: «От пришельцев и чужестранцев такая польза, что они могут занять по праву шестое место среди достоинств королевских; ... прибывая из чудесных краев и провинций, иноземцы приносят с собой свои особенные наречия и обычаи, всяческие науки и умения, оружие, и всё это вносит новизну в жизнь страны, множит блеск двора и в то же время отучает их от спеси. Одноязычная, бедная обычаями страна слаба и может упасти».

Бывали и в Древней Руси мудрецы на престоле – не только Владимир Святой и Ярослав Мудрый, но и Владимир Мономах. И он поучает нас из тысячелетней дали: «Бога ради, не

ленитесь, молю вас, не забывают трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию». Они похожи – короли и князья, венгерские и русские, даровавшие народам евангельскую истину в век мечей и кольчуг.

Великие завоеватели

Все великие завоеватели знают тайну, которой нам не раскрыть. Начинают порой с горсткой верных солдат, а становятся правителями континентов! Откуда только берётся энергия, откуда силища? Секрет знает История. Читаем про Кира Великого, про Александра Македонского, про Аттилу, про Карла Великого, про Чингисхана и Батыя, про Тамерлана, про Мохамеда, про Наполеона, про Гитлера... Длинный список. И были они очень разными людьми, и далёкие эпохи не причесать одной гребёнкой. Но есть общее в судьбах феноменальных завоевателей.

Битва на реке Лех

Это – неутолимая жажда завоеваний. Им удалось оседлать инициативу агрессора – и десятки народов просто подчинялись экспансии, не рискнув оказать серьёзного сопротивления. Ведь спрятаться под лавку или отдаться на милость победителя всегда проще, чем отдавать жизнь «за други своя».

Если бы все армии мира и все народы были непокорными и сражались с захватчиками до последней капли крови – ничего бы не получилось ни у Александра, ни у Наполеона. Но героическое сопротивление – это подвиг, и в истории таких подвигов немного. Потому мы и ценим их. Поэтому, например, гитлеровское быстрое завоевание Франции – это явление обыкновенное, вполне объяснимое, а вот Отечественная война, которую устроили захватчикам советские люди – это настоящее чудо, редкое и драгоценное. Ведь и золото дороже булыжника только потому, что оно – редкость, диковинка и добыть его трудненько. Давайте помнить об этом, изучая историю войн, в которой у русских и венгров подчас случались общие неприятели.

Общий враг

Орда

В первой половине XIII века междинастические связи правящих домов Арпадов и Рюриковичей были важным фактором политической жизни Восточной Европы. То совпадали, то перекрещивались политические интересы Венгрии, Галицкого княжества, а также Киева и Чернигова.

Именно тогда у русских и венгров появился общий враг – изобретательный, терпеливый, одержимый завоеваниями. Империя Чингисхана, объединившая множество народов и племён Азии и Восточной Европы, двигалась на Запад. Да, монголам удалось создать армию, перед которой многие считали за благо склонить головы. Потому что мериться силушкой – страшно!

Внук Чингисхана, сын хана Джучи, известный на Руси под именем Батые, был прирождённым полководцем и пастухом народов. Древние писатели и летописцы представляли войско Бату-хана огромным, неисчислимым, значительно – на порядок! – превосходящим русские дружины и венгерское войско короля Белы IV. Это преувеличение. Монголы в тех войнах побеждали не числом, а умением. Таких подготов-

ленных и неприхотливых воинов в Европе попросту не было. Да и ордынские полководцы, получив многолетний боевой опыт, стали кладезями военной хитрости.

В 1237-м году началось нашествие армии Батыя на русские княжества. Стояли суровые морозы, и армия ордынцев шла по скованным льдом рекам. Первой пала Рязань. Затем Батый вторгся на территорию сильнейшего Владимиро-Суздальского княжества.

Русские князья относились к венграм как к братьям по вере христианской. Через монаха Юлиана князь Юрий Всеволодович, перехватив ордынских послов, предупреждал венгерского короля о готовящемся походе в мадьярскую землю. А сам принял бой на родной земле.

В бою под Коломной войскам Батыя, среди которых были отборные монгольские части прославленного полководца Субудая, удалось нанести поражение русской дружине. Пала Коломна. В начале февраля 1238-го монголы осадили Владимир. Через четыре дня этот процветающий, златоглавый русский город был взят, сожжён и разграблен. Князь Владимирский Юрий Всеволодович попытался оказать сопротивление, собрал войско, но 4 марта в битве на речке Сити был наголову разбит и сам погиб в бою. Героическое сопротивление в марте-апреле 1238-го года оказали войскам Батыя два города – Торжок и Козельск.

Теперь нападения ожидали южные княжества. Князь Михаил Всеволодович Черниговский в панике «бежал в Угры»

в поисках союзников. Военной помощи мадьяры ему не дали. Не удалось князю и сходу женить сына Ростислава на одной из дочерей венгерского короля. Хотя мы можем предположить, что король Бела IV относился к Михаилу не без симпатии и видел в нём перспективного союзника: через несколько лет, в 1243 году венгерский король всё-таки выдаст одну из своих дочерей – Анну – за молодого князя Ростислава Михайловича.

Король Бела IV

Перед нашествием 1241 года князь Михаил побывал и в Польше, и в Галиче, у князя Даниила – своего недавнего противника по междоусобным войнам. Но всё тщетно: разобщённые князья не сумели оказать достойного сопротивления новому походу Бату-хана. Киев был взят и разорён ордынцами.

Отступавший под натиском монголов половецкий хан Котян с большим войском и многочисленными обозами прибыл в Венгрию. Король Бела принял их с миром. Его мать была кипчакской княжной, а значит, кипчак Котян приходился ему роднёй. Это было ответственное решение: Бела горделиво отказался выдать Котяна и других половцев монголам. Король считал, что половецкие воины ему пригодятся – в том числе и в качестве верной личной гвардии, которая могла бы без колебаний пресекать крамолу среди венгерских феодалов... Половцы-кипчаки приняли христианство, превратились в «добрых католиков». Но не стали подлинными друзьями для венгерской знати. Те, кто боялся усиления королевской власти, почувствовали опасность.

Половцы (их ещё называли куманами, а по-венгерски кун-нами) и их неутомимый вождь хан Котян Сутоевич (по-венгерски Кётён) были исконными, «природными врагами» ордынцев. Против них Бату вёл своего рода священную войну. Уход половцев в Венгрию стал не просто поводом для но-

вого движения ордынцев на Запад: «Друзья наших врагов – наши враги». Этот факт усилил чувство божественной предопределённости похода «к последнему морю» в глазах рядовых воинов батыева войска. Таким образом, в усталой армии просыпался боевой дух, удесят�ерявший силы. И Бату, и Субудай без колебаний могли вести свои тумены на Карпаты.

А судьба половцев в Венгрии вышла плачевной, в духе худших средневековых традиций. О ней рассказал Василий Ян в своём романе «К “последнему” морю. Котян был верным подданным Белы, а одна из его дочерей стала женой королевского сына Иштвана, будущего короля Иштвана Пятого. Король Венгрии разрешил половцам кочевать в венгерских степях – пусте, что в междуречье Дуная и Тисы. Но уже вызревал заговор вельмож, недовольных самодержавной политикой Белы, против хана Котяна. Его самого и всю семью его убили в военном лагере под Пештом 17 марта 1241 года. Жестоко расправились и со всей окатоличенной половецкой элитой. Венгерско-половецкий союз рухнул, а наиболее боеспособные половцы организованно ушли на юг, в Болгарию, по дороге опустошая мадьярские поселения...

Батый приближался, разбивая венгерские отряды в Карпатах. О его войске уже ходили невероятные, апокалиптические слухи. Монголы представлялись исчадиями ада, выходцами из тартара – татарами – не случайно же давным-давно появился этот глуповатый каламбур. Бела мужался, молился, верил в своё войско, в удалых мадьяр и намеревался про-

учить Бату-хана в генеральном сражении. Но Бату умел навязывать противникам собственный сценарий. Когда армия короля Белы выступила из пештских укреплений, монголы отступили. Несколько дней венгры преследовали войско Батыя. 11 апреля 1242 года возле села Мухи на реке Шайо Батый устроил им западню: накрыл градом стрел и окружил. Мало кому из воинов Белы Четвёртого удалось уйти с поля боя. Батый и Субудай начали хозяйничать в Венгрии.

Захватчики опустошали страну. Пешт, Варад, Берег, Егреш, Темешвар пали и лежали в руинах – совсем как русские города.

Король, который потерял и обрёл Венгрию

Никто из европейцев того времени не рассказал о захватчиках с Востока обстоятельнее архидиакона Фомы из Сплита. Он, конечно, не избежал гипербол, но всё-таки оставил нам бесценное свидетельство, рассказ об эпохе: «Эти люди малого роста, но груди у них широкие. Внешность их ужасная: лицо без бороды и плоское, нос тупой, а маленькие глазки отстоят далеко друг от друга. Одежда их непроницаема для холода и влаги, сшита из сложенных двух кож. Шерстью наружу, так что похожа на чешую. Шлемы у них из железа или кожи. Оружие их – кривой меч, колчан и лук. Их стрелы с острыми наконечниками из железа и кости. Татарские стрелы на четыре пальца длиннее наших. На чёрных знаменах

своих они имеют длинные пучки из конских волос (*бунчук*). Татарские кони, на которых они ездят часто также и без седла, малы ростом, но крепки, привычны к усиленным переходам и голоду. Кони, хотя не подкованы, легко взбираются на горы и скачут по ним, как дикие козы, и после трёхдневной усиленной скачки они довольствуются коротким отдыхом и малым фуражом. И люди эти особенно не заботятся о своем продовольствии, как будто живут от самой суровости воспитания: они не едят хлеба, пища их – мясо, а питьё – кобылье молоко (*кумыс*) и кровь. С собой татары ведут много пленных, в особенности много вооруженных куманов (*половцев*), которых они гонят впереди себя и убивают, если увидят, что те не бросаются слепо в бой. Сами татары неохотно идут в бой первыми. Почти нет реки, которую бы они не переплыли на своих конях. Через большие реки им всё-таки приходится переплывать на меховых бурдюках, надутых воздухом, или на камышовых плотках. Походные шатры их сделаны из ткани или из кожи. Хотя татар огромные полчища, но нет в их таборах ни ропота, ни раздоров, – они стойко переносят лишения и страдания и упорно борются».

С таким неприятелем пришлось столкнуться венгерским воинам. Монгольские армады казались непобедимыми. Бороться с ордынской угрозой можно было только молитвами – оружие казалось бессильным, полководческие маневры – тщетными.

Король оставил Венгрию на разграбление. Главные города

очень скоро оказались разорёнными. Батый пополнял свою армию и молодыми венграми, выбирая тех, кто хорошо ездил верхом и стрелял из лука. Монголы были веротерпимы – и молодые венгры (как и русские) шли к ним на службу, не предавая христианской веры.

В 1241-м году Бела Четвёртый потерял своё королевство. Лучшая часть армии погибла, столица разграблена... Сам он бежал на Адриатику, на остров Трогир напротив Сплита, где скрывался год. Трагичной была и семейная жизнь короля. На саркофаге в церкви Св. Домния сохранилась надпись: «В этой тесной могиле покоятся бездыханные тела достославной Катарины и блистательной Маргариты, дочерей короля венгров Белы IV и королевы греков Марии Ласкарис; им пришлось бежать от нечестивых татар, смерть настигла их в Клизе, и тела их были перенесены сюда, в Сплит».

С отчаянным унынием, которое грызло душу, король боролся молитвой. И мы видим, что после катастроф 1241 года, после мытарств на чужбине он превратился в выдающегося политического деятеля, научился умирять своих царедворцев, научился дальновидной и осторожной дипломатии. Словом, жестокий урок Бату-хана пошёл впрок. Монголы исчезли, умчались на Восток. Раны ещё не успели затянуться и страсти не улеглись, а Король уже вернулся в Венгрию и вскоре сумел восстановить и даже усилить разграбленную державу. Важным союзником короля Белы после возвращения в Венгрию стал князь Галицкий Даниил Романович.

Дочь короля Белы Четвёртого Констанция вышла замуж за русского князя Льва Даниловича – сына могущественного Галицкого князя Даниила Романовича. Это именно в честь сына Льва князь Даниил Романович заложил в 1256 году город вблизи карпатских гор – Львов. Таким образом, две из восьми дочерей мадьярского короля вышли замуж за русских князей.

В 1243 году при дворе короля Белы IV снова будет принят князь Михаил Черниговский. Став «кумом королю», он не оставлял надежды на сильную антиордынскую коалицию. Но ни мадьяры, ни римский папа, ни германский император (к последним Михаил направил своего посла, митрополита Петра) не были готовы к походу против Батыя. Михаил вернулся на Родину – навстречу подвигу и гибели.

Ханские послы потребовали, чтобы князь явился к Батю за ярлыком на княжение. Сил для военного сопротивления не было, приходилось повиноваться. Михаил прибыл в столицу Золотой Орды – Сарай-Бату. Монголы потребовали, чтобы перед аудиенцией у хана русский князь совершил языческий обряд: нужно было пройти через огонь и поклониться идолам. Михаил оставался непреклонным: «Я могу поклониться царю вашему, ибо Богу угодно было поставить его надо мною, но христианин не служит ни огню, ни идолам». Воля Батыя была проста: повиновение или смерть. Князь Михаил Черниговский выбрал смерть и с молитвой пошёл на заклание. Рядом с ним был другой мученик за ве-

ру – боярин Фёдор. Русским послам, сопровождавшим Михаила, удалось только сохранить останки убиенных. Михаил Черниговского и боярина Фёдора православная церковь причислила к лику святых. Мощи князя хранятся в московском Архангельском соборе...

Печальной была не только участь благоверного князя. Наступило время «погибели Руси». Русские княжества на два с половиной века попали в зависимость от Орды. Только сильная, централизованная держава московского великого князя Ивана Третьего утвердит себя на политической карте мира как самостоятельное и могущественное государство. Замечено, что новое московское государство многое позаимствует из ордынской системы. Наш замечательный историк Лев Николаевич Гумилёв, мысливший ярко и парадоксально, связывал феномен российской державы со смешением монголо-татарской доблести и византийской православной учёности. А где ещё искать подоплёку взлёта империи Петра Великого, как не в исторических корнях русского государства? И всё-таки осталось в истории России страшное слово «иго», как полезительное напоминание о том, что не всегда наше государство было могущественным и суверенным.

А для венгров разорительная война станет лишь эпизодом в истории – эпизодом страшным, но кратковременным, как ночной кошмар. Обширные, но малонаселённые русские княжества защитят Европу от ордынского девятого вала. Пушкин писал об этом: «России определено было вели-

кое предназначение: её необозримые равнины поглотили силы монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощённую Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся Просвещение было спасено растерзанной Россией». В свой черёд и в истории Венгрии настанут времена многовековой борьбы с завоевателями – с полками османов и Габсбургов. Есть у наших народов общий исторический опыт. Как был общий враг в XIII веке. Стучали мечи, свистели стрелы – и не получалось осилить удалого неприятеля.

Как Батый в Венгрии погиб

И всё-таки Батый погиб в Венгрии. Не в реальной истории, так в литературном сказании. Этот сюжет существует только в древнерусской литературе! На Русь приходили известия о неудачном походе ордынцев в Венгрию в 1285 году. В Венгрии тогда правил король Ласло Четвёртый, получивший прозвище Кун (то есть половец), поскольку был внуком хана Котяна. Будучи наполовину половцем, последний король из династии Арпадов Ласло благоволил своим половецким подданным, за что и поплатился: знатные половецкие вожди коварно убили его, спящего в походном шатре, 10 июля 1290 года, в возрасте 28 лет. И, хотя поход этот был делом периферийным, и серьёзного поражения ордынцам никто не нанёс, на Руси поколебались представления о непобедимости монголов. Может быть, в связи с этими впечатлениями была создана «Повесть о убиении злочестивого Батыя во Угрех». Батый к тому времени давно умер своей смертью далеко от Венгрии, но авторы повести объединили сюжеты Батыева похода на Пешт и неудачного ордынского набега 1285 года. Ведь это была сбывшаяся мечта многих на Руси – гибель непобедимого Батыя! Зачин повести вполне реалистично показывает стремление Батыя на Запад, в Европу: «И понеже злочестивый онъ и злоименитый мучитель не доволен бывает, иже толика злая, тяжкая же и бедная христианом на-

веде, и толико множество человековъ погуби, но тщашеся, аще бы мощно и по всей вселенной сотворити, ни да по не именовано ся бы христианское именование, абие в то же лето устремляется на западныя Угры къ вечерним странам...».

А в финале мужественные угры побеждают монгольское войско и убивают Батыя. Торжествует вера христианская – венгры даруют жизнь только крещёным воинам Батыя: «Угри же пленъ отнимающе, самихъ же варваръ немилостивно погубляху, токмо елицы восхотеша веры еже во Христа, техъ оставиша. Створень же бысть мѣднымъ лияниемъ король, на кони сѣдя и секиру в руце держа, ею же Батыя уби, и водружень на томъ столпи на видение и память роду и до сего дне. И тако сбысться реченное: «мне отмщение, и азъ въздамъ мечь», глаголетъ Господь. До зде убо яже о Батый повѣсть конецъ приять».

Батый

Русский летописец был настроен максимально враждебно по отношению к Батыею. И в христианской Венгрии видел силу возмездия.

Два памятника

Есть в Будапеште монументальный ансамбль – памятник Тысячелетию Венгрии. Оказавшись на этой площади, я, конечно, вспомнил берега Волхова, северный русский город – одну из первых столиц Руси. Город, который было принято называть весьма церемонно – Господин Великий Новгород. Вспомнил памятник «Тысячелетняя Россия».

Памятник на площади Героев в Будапеште

Министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской мечтал, чтобы история страны стала для граждан России спланивающим началом. В 1857 году он предложил широко отметить тысячелетие начала русской государственности и установить в Новгороде памятник первому нашему князю, основателю династии – новгородскому правителю Рюрику. Отмечать тысячелетие, согласно летописи, следовало в 1862 году. Предложение Ланского подхватили: дело не в одном Рюрике, нужно увековечить всю тысячелетнюю историю государства Российского! Молодой царь Александр II поддержал эту идею, и Академия художеств объявила о конкурсе на проект памятника. Победил на конкурсе никому не известный двадцатипятилетний художник Микешин, решивший представить Россию, осенённую крестом, в форме огромного колокола. Император и академики приветствовали «свежесть образа» – и Микешин, с помощью скульпторов, архитекторов и историков, приступил к воплощению замысла.

Споров было много. Включать или не включать предыдущего императора – Николая Первого? «Ходить бывает склизко по камушкам иным – о тех, кто слишком близко, мы лучше помолчим». Нужны ли нам Гоголь и Шевченко? Куда девать Ивана Грозного? В итоге император Николай предстал во всём великолепии, нашлось место и для Гоголя. А вот Тарас Шевченко и Иван Грозный остались в дублирующем составе, не дотянули до всероссийского мемориала...

Слишком уж спорные фигуры! Поэтому среди героев памятника мы видим соратников Грозного – Сильвестра и Адашева, видим даже первую жену Ивана Васильевича – Анастасию, которую выделяли как представительницу рода Романовых. А первого московского царя среди героев Отечества нет. Многим и сам памятник показался спорным: великие деятели Отечества спинами стоят к символической России. Микешин парировал: «Отлично! Тогда я их поставлю спинами к вам, глубокоуважаемые зрители и критики памятника!». Памятник стал одним из зримых символов истории России. Микешину этот памятник принёс славу: он получит немало предложений из разных городов России и Восточной Европы и создаст ещё немало монументов.

Слава славой, а с финансами дела обстояли не столь благополучно. Денежная премия за «Тысячелетнюю Россию» пошла по ветру. Микешин вложил деньги в весьма сомнительное предприятие: нашлись ловкачи, убедившие художника вложить деньги в рискованную сделку с Адмиралтейством. Они собирались выкупить по бросовой цене списанные корабли, чтобы потом втридорога перепродавать ценное корабельное оборудование и сами суда. В результате афера провалилась, а художник не заработал ни копейки – напротив, остался должен казне 80 000 рублей. Сумма, что и говорить, внушительная! Целый батальон привыкших к нужде русских художников можно было всю жизнь кормить, поить и одевать на эти деньги. Микешин добился аудиенции с императором.

Александр II приказал выплатить долг за автора «Тысячелетней России», но настрого запретил Микешину впредь заниматься коммерцией.

Новгородский памятник не тронули даже в революционные годы. В 1944-м году немцы оставили освобождавшим Новгород частям Красной Армии разбитый, расколотый памятник. В военные месяцы израненная, измождённая страна нашла силы – и монумент быстро восстановили.

Вернёмся в Будапешт, на площадь Героев – Хёшёк тере. Просторная, истинно державная площадь, над которой само небо, кажется, рассказывает о великом и трагическом прошлом венгров. Этот замысел возник накануне тысячелетия Венгрии – и был сродни замыслу Ланского. На площади в 1895-97-м годах медленно вырастал грандиозный памятник «Тысячелетие Венгрии». Впрочем, доработка этого комплекса продолжалась ещё десятилетиями. Каждый, кому дорог Будапешт, должен запомнить имена архитектора Альберта Шикеданца и скульптора Дьёрдя Залы.

Центр композиции – 36-метровая колонна, увенчанная фигурой архангела Гавриила – хранителя Венгрии. Эта работа получила Гран-при на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. У подножия колонны расположились конные скульптуры нашего доброго знакомого, предводителя венгров Арпада и его сподвижников, семерых вождей древних племён, – тех, кто пришёл с Востока и обосновался на нынешней венгерской земле.

Венгерскому памятнику выпала более затейливая судьба, чем российскому. Может быть, потому, что Новгород – древняя столица Руси – стал к XX веку тихим областным городом, заповедником старины, который находится в стороне от большой политики. А площадь Героев – визитная карточка Будапешта и всей страны, и политические ветры дули прямо в лицо шедевр Дьёрдя Залы.

Справа и слева от Арпада и архангела Гавриила – колоннады, а между колоннами – памятники великим правителям Венгрии, тем самым героям, в честь которых названа площадь.

Во время революции 1919 года соратники Белы Куна задрапировали «старорежимные» скульптуры, а Дьёрдь Зала по заказу революционного правительства создал гипсовую скульптурную группу «Карл Маркс приветствует рабочих».

Статую императора Франца-Иосифа, принесшего столько горя на венгерскую землю, раскололи на куски. На пьедестале долгое время оставался только сапог австрийского императора. После поражения «венгерской советской республики» памятник снова переделали. Теперь в скульптурной группе не стало Карла Маркса и Франца-Иосифа, который, хоть и венчался как король Венгрии, оставался для венгров чужаком.

В наше время дежурство на площади Героев несут часовые: Святой Стефан – основатель государства, Святой Ласло I, мудрый Коломан Книжник, Андраш II, Бела IV – коро-

ли династии Арпадов, Карой Роберт и его сын Лайош I Великий — представители династии Анжу, сокрушитель турок воевода Янош Хуньяди и его сын король Матьяш Корвин, владетельные князья Трансильвании Габор Бетлен, Иштван Бочкаи, Имре Тёкёли, славный Ференц Ракоци II и, наконец, идейный вдохновитель и вождь венгерской революции 1848 года Лайош Кошут.

Вспоминаю эти памятники — будапештский, новгородский — и пережёвываю банальную мысль: как похожи чувства разных народов, если речь идёт об исторической памяти, о вере в высокое предназначение Родины. Стоят над Венгрией и Россией монументы с крестами на вершинах и напоминают о тысячелетней истории. А столетия продолжают регулярную смену караула — и теперь мы говорим об этих памятниках: *заложены в позапрошлом веке*. Ещё так недавно этот век был прошлым и каждый из нас знал множество людей, родившихся в том столетии. Приходит осознание, что и тысяча лет — не столь уж неподъёмно долгий срок. Всего лишь пятнадцать — двадцать коротких человеческих жизней. И вот уже под сводами Истории ты себе не кажешься ничтожной песчинкой, и легендарное прошлое — оно совсем близко, как голуби, которые хлопчут у подножия огромного монумента. Здесь и Арпад, и Кошут, и Рюрик, и Суворов — рядом с нами.

Посольство Фёдора Курицына

Это было в годы правления Ивана Третьего, Ивана Великого. Окрепшая Московская Русь освободилась от ордынского ига. Итальянские зодчие на кремлёвских холмах возводили соборы грядущего Третьего Рима. Иван Третий объединял русские города под властью Москвы и пролагал дипломатические пути к столицам Запада и Востока. Его правой рукой был посольский дьяк Фёдор Васильевич Курицын, к которому, по словам Иосифа Волоцкого, «державный во всём прислушивался».

Держа в уме историческое соперничество с Речью Посполитой («спор славян между собою», – как скажет Пушкин), великий князь московский надеялся на союз с Венгрией.

И в 1482 году дьяк Фёдор Курицын с посольством прибыл в Буду, где прожил при королевском дворе четыре года. Дипломатическая миссия – подписание мирного договора – была важным делом, но ещё важнее – первое столь подробное знакомство москвитов с западным образом жизни. Фёдору Курицыну, способному политику, любившему европейский уклад жизни, легко удалось стать своим человеком в окружении короля Матьяша Корвина, или Матвея Корвина, как его звали на Руси. Особенно полюбил Курицын королевскую библиотеку, полюбил и учёные беседы с венгерскими мыслителями. Считается, что именно в Венгрии дьяк Курицын

был посвящён в члены тайного реформационного общества, известного в России как «новгородская ересь». Автор книги «Русские вольнодумцы», писатель и историк Владимир Бояновский (1869–1943) пишет: «В богатой библиотеке короля, состоявшей из 5000 томов, вызывавшей единодушные восторги и удивление всех учёных, быть может, впервые начал Фёдор Курицын учиться «волшебским книгам», приобрёл любовь к тем учёным занятиям, которые, возвратившись домой, поддерживал в учёном кружке «еретиков»-соотечественников».

Волна сомнений в религиозных догматах захлестнула тогда всю Европу. Многие люди Церкви стремились превратить учение святых отцов в рациональную этическую систему. Противники упрекали их и в отрицании божественной природы Христа, и в увлечении иудаизмом – отсюда прозвище «жидовствующие»... Отчасти (но только отчасти!) это движение соответствовало политическим устремлениям Ивана Третьего: укрепляя государство, он отнимал у монастырей вотчины. Многие противники ереси видели именно в великом князе покровителя реформаторов... В Новгороде еретики искушали православных тайным знанием астрологии. Астрологией интересовался и Курицын – и до Венгрии, и в Будапеште, и после посольства...

Иногда Фёдора Курицына называют первым русским разведчиком. Один скульптор даже предлагал на Лубянской площади – там, где раньше возвышалась худощавая фигу-

ра Дзержинского – поставить памятник Фёдору Курицыну, первому резиденту русского самодержца в Европе. Легенды приписывают Курицыну владение особыми шифрами, тайнописью.

Великий князь Московский Иван III

В Венгрии Курицын заинтересовался фигурой Влада Цепеша — знаменитого Дракулы. В Буде он встречался с сыновьями кровавого господаря. В Венгрии многие хорошенько помнили Дракулу: как-никак он двенадцать лет провёл в Буде в темнице, и было это незадолго до курицынского посольства. Курицын пишет «Сказание о Дракуле воеводе» — по крайней мере, мы имеем все основания предполагать, что именно он был автором этой древнерусской повести. С лёгкой руки Курицына, Дракула становится на Руси самым популярным книжным злодеем. Назидательная идея повести прозрачна: предав православие, Дракула подпал под власть дьявола.

Путь Фёдора Курицына на Родину напоминал странствия Одиссея, о которых начитанный дьяк, несомненно, слышал. Он должен был нанести визит крымскому хану, но по дороге, в Белгороде-Днестровском, его арестовали турки. Вызволить русского дьяка из тюрьмы помогали венгерский король Матяш Корвин и крымский хан Менгли-Гирей.

Вернувшись в Москву, Курицын принялся пропагандировать астрологическую крамолу среди московской знати, организовал специальный кружок. Рядом с Курицыным был и венгерец Мартынка, с которым он сдружился ещё в Буде. У ярых борцов с ересью венгерец вызывал подозрения: черно-книжник, не иначе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.